

ПИСЬМА К РАЗНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ (1849—1869)

АГОСТИНО БЕРТАНИ, ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ, ДЖУЗЕППЕ ГВЕРЦОНИ,
ЭДУАРДУ ДАНТЮ, ОТТО КОРВИНУ, МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО ПИНТО, ФИЛИППУ
ФОРУ, ШАРЛЮ-ЭДМОНУ ХОЕЦКОМУ и РЕДАКТОРУ «OPINION NATIONALE»*

Публикация Л. Р. Ланского

Собранные в настоящей публикации разрозненные письма Герцена к различным иностранным корреспондентам печатаются как по фотокопиям с автографов, хранящихся в зарубежных архивохранилищах (Лондон, Рим, Милан), так и по прижизненным публикациям, остававшимся до последнего времени неизвестными издателям сочинений Герцена.

Почти все публикуемые ниже письма адресованы видным деятелям революционно-демократического лагеря, участникам революции 1848 года, с которыми Герцена связывали долговременные и прочные связи: польскому революционному эмигранту Шарлю-Эдмону Хоецкому, французскому революционному эмигранту Филиппу Фору, видным деятелям итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Гарибальди, Агостино Бертани, Джузеппе Гверцони, Микель-Анджело Пинто и немецкому литератору, участнику Баденского восстания, политическому эмигранту Отто Корвину. Помимо этих писем, в публикацию включены: открытые письма Герцена редактору парижской либеральной газеты «Opinion Nationale», в которых он ознакомил европейское общественное мнение с угрозой русского правительства похитить или убить его, а также письмо к французскому издателю Эдуарду Дантю с предложением напечатать французский перевод «Былого и дум» и других его сочинений.

Публикуемые ниже документы являются лишь частью переписки Герцена с теми же корреспондентами: к каждому из них он обращался и с другими письмами, местонахождение которых, в большинстве случаев, до настоящего времени остается неизвестным. Ни одно из писем Герцена к Пинто, Фору, Корвину, Гверцони, Бертани и Дантю до сих пор в печати не появлялось.

Все печатаемые нами письма относятся к последним двадцати годам жизни Герцена.

ШАРЛЮ-ЭДМОНУ ХОЕЦКОМУ

Публикуемое ниже письмо, адресованное Шарлю-Эдмону Хоецкому (1822—1899), сохранилось среди бумаг Г. Гервега, жена которого должна была передать его адресату. Шарль-Эдмон был в это время деятельным сотрудником газеты «Voix du Peuple», основанной Пруденом при содействии Герцена. По контракту, заключенному с Пруденом, Герцен должен был возглавлять иностранный отдел газеты, которой, как он

* Письма Ш.-Э. Хоецкому, Ф. Фору, О. Корвину, редактору «Opinion Nationale» и Э. Дантю переведены на русский язык автором публикации, Л. Р. Ланским. Письма к М.-А. Пинто, Д. Гарибальди, Д. Гверцони и А. Бертани — М. В. Вах-
леровой.

надеялся, предстояло стать ведущим органом европейской революционной демократии. Вынужденное пребывание за пределами Франции помешало Герцену в первый период издания газеты непосредственно руководить иностранным отделом, и, несмотря на принятые Герценом меры к привлечению виднейших заграничных корреспондентов, отдел этот занимал в «*Voix du Peuple*» совсем незаметное место. Вдобавок, редакция, предоставлявшая свои страницы бесконечным стенограммам прений в Национальном собрании, сплошь и рядом отвергала интересные корреспонденции, которые присылались заграничными революционерами. Материалы, печатавшиеся в газете, зачастую бывали серы и невыразительны. Герцен был глубоко разочарован тем, что «*Voix du Peuple*» находится во власти рутини, и с огорчением констатировал, что обращение к нему за помощью со стороны Прудона и его помощников было вызвано исключительно материальными соображениями, и не переставал подчеркивать это обстоятельство в письмах к своим корреспондентам.

Подробности об отношении Герцена к «*Voix du Peuple*» см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 490—500, 522—540, и выше, в публикации писем Герцена к Георгу и Эмме Гервегам.

Письмо печатается по фотоконии с автографа, хранящегося в Отделе рукописей Британского музея (Лондон).

Ce 20 oct<obre> 1849. Genève

Cher Edmond, je n'ai rien compris dans la lettre que vous m'aviez adressée¹, il y a beaucoup de causes à cela. Vous ne parlez derechef que du côté financier de l'affaire — mais pourquoi donc vous avez quitté la rédaction de l'étranger? — je ne le comprends pas; ce que je sais c'est que l'effet produit en Allemagne et en Suisse a été tout-à-fait défa<vo>rable. Il ne faut pas outrepasser les mesures de la prudence — mais il faut avoir une théorie plus large, et elle doit percer partout. Mais chez vous c'est la manière française; en vérité, est-ce que vous pensez que la rumination de l'Assemblée intéresse plus que des articles sur l'étranger?² Et pourquoi donc vous ne me donnez pas d'adresse pour les correspondants? — J'attends encore une lettre et plus explicite. A présent des prières.

1° Faites tout de suite imprimer le prospectus ou une partie avec un petit compliment³.

2° M-me Herwegh a probablement reçu la première partie de mon article sur la Russie⁴, je serais vraiment enchanté de le voir dans le feuillet. Avez-vous quelqu'un pour traduire? — Si on peut, il faudrait tout bonnement traduire sans rien changer (ce sont 2 feuilles) — et dire que c'est la préface d'un ouvrage imprimé en Suisse par un Russe sous le titre *Vom andern Ufer*.

3° N'oubliez pas, il faut tout de suite expédier: 1° tous les N^{os} à Berlin — à m-r le Dr Siegmund (Gustave), Breite Straße, 1 et à Genève — à m-r Galeer, réd<acteur> de l'*Alliance des Peuples*.

4° Donnez-vous la peine de remettre en passant la petite lettre⁵.

П е р е в о д:

20 окт<ября> 1849 г. Женева

Дорогой Эдмон, я ровно ничего не понял из присланного вами письма¹, и для этого есть много оснований. Вы снова касаетесь одной лишь финансовой стороны дела — но отчего же вы покинули иностранную редакцию? — я не понимаю этого; я знаю только одно — что впечатление, произведенное в Германии и Швейцарии, было очень неблагоприятным. Не следует пренебрегать мерами предосторожности — однако надобно обладать более широкой теорией, и она должна проявляться во всем. У вас же французская манера; и в самом деле, неужели вы думаете, что жватка Собра-

ния вызывает больший интерес, чем статьи об иностранных делах?² И почему вы не общаете мне адрес для корреспондентов? — Я жду от вас еще одного, и более ясного письма. А теперь просьбы:

1. Тотчас прикажите напечатать весь проспект или часть его с маленьким обращением к читателям³.

2. Г-жа Гервег, вероятно, получила первую часть моей статьи о России⁴, я буду искренне рад увидеть ее в отделе фельетонов. Есть ли у вас кто-нибудь для ее перевода? — Если возможно, ее надобно просто перевести, ничего не меняя (она составляет 2 листа) — и сказать, что это предисловие к сочинению, напечатанному одним русским в Швейцарии, под названием «Vom andern Ufer».

3. *Не забудьте*, надобно тотчас же отправить, во-первых, все номера в Берлин — г-ну доктору Зигмунту (Густаву), Брейтештрассе, № 1, и в Женеву — г-ну Галеру, редактору «L'Alliance des Peuples».

4. Постарайтесь передать мимоходом прилагаемое письмецо⁵.

¹ Это письмо Хоецкого к Герцену неизвестно.

² См. об этом выше, в письме Герцена к Эмме Гервег от октября 1849 г.

³ О каком проспекте идет речь — не установлено.

⁴ Статья Герцена «La Russie», напечатанная в «Прибавлениях» к «Voix du Peuple», №№ 50, 57, 71 от 19 и 26 ноября и 10 декабря 1849 (см. изд. АН, т. VI, стр. 150—223). Она появилась под рубрикой «Всеобщая политика. Солидарность народов» и с пометой «Письмо второе» («Первое письмо», напечатанное в № 43 «Voix du Peuple» от 12 ноября 1849 г., принадлежало Шарлю-Эдмону Хоецкому). В своем «Первом письме» Хоецкий сообщал читателю о предстоящей публикации на страницах «Voix du Peuple» труда о России знаменитого русского писателя, не называя имени Герцена. Кем была переведена статья Герцена на французский язык — не установлено. Многочисленные упоминания о ней см. выше, в письмах Герцена к Эмме Гервег за этот период.

⁵ Вероятно, речь идет о письме к какому-нибудь сотруднику «Voix du Peuple»

II

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО ПИНТО

Начало знакомства Герцена с итальянским журналистом, историком и литературоведом Микель-Анджело Пинто относится ко времени первой поездки Герцена в Италию в 1847—1848 гг. Пинто редактировал в это время ряд итальянских периодических изданий, в том числе «Italico» и «Ероса». Об идейном влиянии Герцена на Пинто свидетельствуют следующие строки из письма Герцена к московским друзьям: «В Риме я дружески сошелся с редакцией „Эпохи“ <...> Я способствовал — да, не смейтесь — придать „Эпохе“ республиканский колорит» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 56). Вскоре после провозглашения республики в Риме в 1848 г. Пинто был направлен в качестве дипломатического представителя римского революционного правительства в Швейцарскую конфедерацию, а затем исполнял ту же должность при пьемонтском правительстве в Турине, где продолжал оставаться и после падения революционного Рима.

Летом 1850 г. Герцен снова встретился с Пинто — на этот раз в Ницце, тогда еще входившей в состав Сардинского королевства. Возвращаясь в Турин, Пинто предложил Герцену написать ему в случае, если потребуется его помощь. Этим предложением Герцену вскоре же пришлось воспользоваться.

20 сентября 1850 г. к Герцену неожиданно явился русский консул и прочел ему категорический приказ Николая I — безотлагательно возвратиться в Россию. Герцен отказался подчиниться царскому повелению и тем самым официально объявил себя политическим эмигрантом. В «Былом и думах» подробно описан этот визит русского консула, «какой-то официальной, германски-канцелярской фигуры *второго* порядка» (изд. АН, т. X, стр. 156). В своем донесении, отправленном в министерство иностранных дел, консул сообщил, что Герцен «обещал представить, по прошествии двух дней, письменный отзыв по сему предмету», которого он и ожидает. 23 сентября консула дополнительно известил министерство, что Герцен снова явился в русское

консульство и оставил письменное заявление о невозможности возвратиться на родину (см. V, 145—146). Опасаясь закулисных интриг русской дипломатии и ее бесцеремонного нажима на пьемонтское правительство, Герцен решил обратиться за советом и информацией к Пинто, хорошо осведомленному в дипломатических и правовых вопросах и, вдобавок, обладавшему влиятельными связями в столице пьемонтского королевства. В тот же день, 23 сентября, Герценом было написано первое из публикуемых писем.

В ответном (не дошедшем до нас) письме Пинто высказал предположение, что высылка Герцена из Пьемонта маловероятна.

4 октября 1850 г. Герцен снова обратился к Пинто со вторым из публикуемых ниже писем, прося его узнать, насколько для него безопасно пребывание в Пьемонте и нет ли возможности натурализоваться там и быть уверенным, что его «не принесут в жертву дипломатической вежливости по отношению к петербургскому двору».

«...Чем хуже идут дела, — писал в этом письме Герцен, — тем сильнее стремишься обрести тихую пристань, где можно было бы после кораблекрушения окончить свои дни или, по крайней мере, дожидаться, когда мистраль и трамонтан сменятся более мягким ветром».

Ответ Пинто на это письмо Герцена также неизвестен. По-видимому, туринский корреспондент рассеял иллюзии Герцена о возможности натурализации в Пьемонте. Прошло более полугода. За это время Герцену удалось добиться швейцарского гражданства. Накануне своего отъезда из Ниццы в первых числах июня 1851 г., он внезапно получил приказ от пьемонтского министра внутренних дел немедленно выехать из сардинских владений. Эта высылка явилась прямым результатом дипломатических интриг русских правительственных агентов, а также министра юстиции, графа В. Н. Панина, отдыхавшего в это время в Ницце и не желавшего находиться под одним небом с «политическим преступником» Герценом.

Сношения с Пинто Герцен продолжал поддерживать и в дальнейшем. В 1854 г. Пинто обратился к Герцену с просьбой присылать ему для помещения в итальянских изданиях свои статьи о России (см. VIII, 81). Пинто был проникнут восторженным чувством по отношению к родине Герцена. Его страстное увлечение далекой северной страной удивляло самого Герцена. «Он очень хороший человек, — писал Герцен о Пинто, — но откуда у него геймвех* по России?» (VIII, 355). По просьбе Пинто, принявшего твердое решение переселиться в Россию, Герцен рекомендовал его своему приятелю Н. А. Мельгунову, находившемуся в это время в Париже и поддерживавшему многочисленные связи с влиятельными русскими людьми. «Жду твоего Pinto, — писал Мельгунов Герцену 9 октября 1856 г., — и готов для него сделать все, что могу. Но зачем он едет? Не подымать Россию против папы? Смотри, как бы он какой-нибудь неосторожностью не компрометировал меня и моих приятелей» («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 324—325). Пинто переехал в Петербург в конце того же 1856 г. В течение многих лет он читал в Петербургском университете курс истории итальянской литературы и выступал с публичными лекциями. Некоторые из его трудов были напечатаны им на русском языке и пользовались известностью. В 1870-х годах Пинто возвратился в Италию.

Письма печатаются по присланным проф. Ettore Lo Gatto (Италия) фотокопиям, хранящимся в Museo centrale del Risorgimento (Рим).

1

Le 23 septembre <1850>. Nice

Il n'y a pas longtemps que vous avez, cher monsieur Pinto, quitté Nice en me donnant la permission de vous écrire en cas de besoin — et je frappe déjà à votre porte. Vous pouvez vraiment m'obliger en prenant des renseignements sur ma position en Piémont. Pour cela il faut vous dire ce qui s'est passé.

* тоска по родине (от нем. Heimweh).

Il y a quatre jours de cela, m-r le consul de la Russie est venu chez moi et m'a transmis l'ordre impérial de retourner immédiatement. J'ai refusé. C'est plus que probable qu'à présent Nesselrode insistera sur mon éloignement du Piémont (je ne crois pas qu'il ose aller jusqu'à demander l'extradition d'un homme qui n'est coupable que d'un crime géographique, qui ne veut pas vivre sous le 59 degré de lat<itude> boréale). C'est pour cela qu'il m'est absolument nécessaire de savoir si je puis rester tranquille après une note de la Russie. Mais ne voulant par m'afficher avant que cela soit nécessaire, j'ai inventé un autre moyen. Je désire acheter une propriété à Nice ou dans les environs, j'ai placé une partie de mon bien dans les fonds sardes, mais avant de m'établir je veux un permis de séjour ou une garantie quelconque contre les éventualités d'une expulsion. Quelles sont les lois sous ce rapport? — Ne dois-je pas exposer l'affaire au ministre de l'Intérieur? Enfin, que me conseillez-vous, cher monsieur Pinto? Si on me garantit ma position, je transporterai toute ma fortune en Piémont. Sinon, je me proposerai d'aller à Londres — qui me dégoûte, ou en Suisse que je déteste, ou en Amérique — qui m'ennuie.

La note dont je parle ne peut venir avant un mois (j'expédie ma réponse écrite aujourd'hui). Auriez-vous assez d'amitié pour charger quelqu'un de savoir le contenu?

Peut-être même le gouvernement russe s'abstiendra, car les relations diplomatiques ne sont pas tout à fait rétablies.

En tous cas j'attendrai une réponse, écrivez-moi, poste restante ou maison Sue, et ne vous fâchez pas que je prenne au sérieux les offres obligeantes de mes amis.

Ma femme vous salue.

Tout à vous

A. H e r z e n

P. S. Je voudrais prévenir la note, — c'est pour cela que j'écris à présent.

Перевод:

23 сентября <1850 г.>. Ницца

Еще совсем недавно, дорогой господин Пинто, уезжая из Ниццы, вы разрешили мне написать вам в случае нужды, — и вот я уже стучусь к вам в дверь. Вы окажете мне истинную услугу, если наведете справки о моем положении в Пьемонте. Для этого надо вам рассказать, что произошло.

Четыре дня тому назад меня посетил русский консул и передал мне высочайшее повеление немедленно вернуться на родину. Я отказался. Более чем вероятно, что теперь Нессельроде будет настаивать на моей высылке из Пьемонта (не думаю, чтобы он пошел еще дальше и осмелился потребовать выдачи человека, который виновен лишь в географическом преступлении, то есть просто не желает жить под 59-м градусом северной шир<оты>). Вот почему мне совершенно необходимо узнать, могу ли я спокойно оставаться здесь после ноты русского правительства. Однако, не желая привлекать к себе внимания раньше, чем это будет необходимо, я придумал другой способ. Я хочу приобрести земельное владение в Ницце или в ее окрестностях; часть моего капитала помещена в сардинские процентные бумаги, но прежде чем обосноваться, мне нужно получить разрешение на жительство или какую-либо гарантию против возможной высылки. Какие существуют законы на этот счет? — Не следует ли мне изложить свое дело министру внутренних дел? Одним словом, что вы мне посоветуете, дорогой господин Пинто? Если мне гарантируют спокойствие, я переведу все свое состояние в Пьемонт. Если нет, мне придется переехать в Лондон, который мне претит, или в Швейцарию, которую я терпеть не могу, или в Америку, которая наводит на меня скуку.

Упомянутая нота может придти не раньше, чем через месяц (я послал письменный ответ сегодня). Не окажете ли вы мне дружескую услугу, поручив кому-нибудь раз-
узнать содержание ноты?

Может быть, русское правительство даже воздержится от этого шага, ибо дипломатические отношения еще не вполне восстановлены.

Во всяком случае, я буду ждать ответа; пишите мне до востребования или на дом Сю и не гневайтесь, что я принимаю всерьез любезные предложения моих друзей.

Моя жена вам кланяется.

Весь ваш

А. Герцен

Р. S. Мне хотелось бы принять меры до получения ноты, — поэтому я и пишу вам теперь.

2

Le 4 octobre 1850. Nice

Mille et mille remerciements, cher monsieur Pinto, pour votre bonne lettre. Si vous pensez que l'expulsion est peu probable, faut-il alors écrire au ministre ou non? N'est-ce pas mieux d'attendre encore une réponse (car il est de toute nécessité que le gouvernement russe m'écrive quelque chose après mon refus donné par écrit).

Je crains qu'en m'affichant trop précipitamment je tournerai l'attention de la police, et qu'alors on demandera à Paris ou à l'ambassade — et quoique ni la préfecture, ni notre ambassade ne puissent rien dire, mais les cancans des mouchards sont pires que le caquetage des vieilles femmes.

Si on pouvait demander tout particulièrement le ministre ce qu'on fera avec un Russe en cas que son gouvernement voulût demander son expulsion. Cela serait peut-être mieux. Pourtant je vous donnerai tous les détails de ma position. J'ai quitté la Russie en 1847. Lorsque le gouvernement Russe a vu que j'ai fait passer le capital que j'avais en Russie à Paris, il a mis le séquestre sur mes biens (sur une possession seigneuriale à Kostroma); il a intercepté une partie de mon argent — ensuite il a fait une sommation à moi, j'ai refusé de rentrer. Je désire me fixer, moi et ma famille — c'est à dire ma femme et trois enfants — en Piémont, à Nice ou près de Nice, j'ai acheté une rente de 9000 fr<ancs> (c'est à dire pour une somme de 150 000 du 5(!)>%) de Piémont par Rotschild et Avigdor.

J'ai en ma disposition un capital de 200 000 outre la rente sarde, que je pourrais employer à l'achat d'une grande propriété (tous les titres sont chez moi. La maison Avigdoren a connaissance, de même que d'autres capitaux aussi que j'ai placé en Amérique — à New-York, Ohio, Virginie), tout cela donne certaines garanties pour le gouvernement. Je suis propriétaire d'une maison à Paris. Jamais l'idée n'a passé par ma tête de m'occuper de politique en Piémont. Je désire avoir un point fixe (me naturaliser si cela était facile à faire) pour ma famille; je désire avoir la certitude que sans une provocation de ma part je ne serai pas victime à la politesse diplomatique envers la cour de Pétersbourg.

Si vous pensez que c'est utile d'en parler de ces détails à m-r le ministre, vous m'obligerez infiniment, je vous autorise d'en agir comme vous le trouverez bien et je serai en tous cas reconnaissant à l'impossible.

Au reste, si vous le conseillez encore, je suis prêt à vous envoyer une lettre pour le ministre et exposer avec encore plus de clarté mes désirs; la réponse ne peut venir que vers la fin du mois d'octobre et comme il n'y a pas d'ambassadeur russe, elle viendra à Nice chez le consul.

Vous aurez besoin de toute votre condescendance et de toute votre bienveillante amitié pour me pardonner de vous inquiéter de cette manière; mais je vous assure, que plus les choses vont mal, plus on a le besoin d'avoir un petit port pour finir ses jours après le naufrage, au moins pour attendre que le mistral et la tramontane cèdent au vent plus humain.

Vous m'obligerez infiniment en me donnant un petit mot de réponse; dois-je envoyer avant la note de Nesselrode (si note il y a?) — un mémoire ou est-ce qu'on peut demander l'opinion du min^{istre} d'après les renseignements donnés. Je ferai aveuglément ce que vous me conseillerez.

Tout à vous

Al. Herzen

Ma femme vous salue bien amicalement.

Jusqu'à présent nous sommes très bien à Nice.

Перевод:

4 октября 1850 г. Ницца

Тысячу раз благодарю, дорогой господин Пинто, за ваше милое письмо. Если вы полагаете, что высылка маловероятна, то стоит ли писать министру или нет? Не лучше ли подождать ответа (ибо русское правительство непременно должно что-нибудь написать в ответ на мой письменный отказ)?

Боюсь, что, выступив слишком рано, я привлеку внимание полиции, и что тогда обо мне запросят в Париже или в посольстве, и хотя ни префектура, ни наше посольство ничего не могут сказать, однако сплетни шпииков еще хуже, чем болтовня старух.

Нельзя ли частным образом спросить у министра, как поступят с русским подданным, в случае, если его правительство потребует его изгнания? Это, может быть, будет лучше. Впрочем, опишу вам свое положение во всех подробностях. Я покинул Россию в 1847 г., после чего русское правительство, узнав, что я перевел капиталы из России в Париж, наложило секвестр на мое имущество (родовое поместье в Костроме); власти перехватили часть моих денег, затем потребовали моего возвращения, но я отказался вернуться. Я хочу обосноваться вместе с семьей, то есть с женою и тремя детьми, в Пьемонте, в Ницце или около Ниццы; я приобрел в Пьемонте через Ротшильда и Авигдора ренту в 9000 фр/анков (то есть 5(!) % от суммы в 150 000).

Я располагаю капиталом в 200 000, помимо сардинской ренты, и мог бы употребить его на покупку крупного земельного владения (все ценные бумаги при мне; банкирский дом Авигдора осведомлен об этом, так же как о прочих суммах, помещенных мною в Америке — в Нью-Йорке, Огайо, Виргинии), все это представляет известные гарантии для правительства. Кроме того, я владелец дома в Париже. Мне никогда и в голову не приходило заниматься политикой в Пьемонте. Я хочу иметь постоянное местопребывание для своей семьи (натурализоваться, если это нетрудно сделать); хочу быть уверенным, что без какой-либо провокации с моей стороны, меня не принесут в жертву дипломатической вежливости по отношению к петербургскому двору.

Если вы сочтете полезным сообщить эти подробности господину министру, вы меня бесконечно обяжете; предоставляю вам действовать, как вы найдете нужным, и во всяком случае, даже при неудаче, буду вам благодарен.

Впрочем, если вы посоветуете, я готов переслать вам письмо к министру и изложить свои пожелания с еще большей ясностью; ответ может придти не раньше конца октября, и так как здесь нет русского посольства, он будет передан консулу в Ниццу.

Маме потребуется вся ваша снисходительность и доброжелательная дружба, чтобы простить беспокойство, которое я вам причиняю; но уверяю вас, что чем хуже идут дела, тем сильнее стремиться обрести тихую пристань, где можно было бы после кораблекрушения окончить свои дни или, по крайней мере, дожидаться, когда мистраль и трамонтан сменятся более мягким ветром.

Вы меня бесконечно обяжете, черкнув мне несколько слов в ответ, — должен ли я послать письмо до ноты Нессельроде (если таковая нота будет), или можно просто узнать мнение мин^{истра} на основании данных мною разъяснений. Я слепо исполню все, что вы мне посоветуете.

Весь вам

Ал. Герцен

Моя жена дружески вас приветствует.

До сих пор нам в Ницце очень хорошо.

III

ФИЛИППУ ФОРУ

Публикуемая ниже записка Герцена, адресованная французскому журналисту, участнику революции 1848 г., эмигранту Филиппу Фору (Faure), сотрудничавшему в газетах «Voix du Peuple» и «L'Homme», напечатана еще при жизни Герцена, в 1859 г., в малоизвестной книжке, представляющей собой библиографическую редкость: *Journal d'un combattant de Février*, par Philippe Faure. Précédé d'un fragment sur l'auteur par Pierre Leroux, et des discours prononcés sur la tombe de Philippe Faure, suivi de notes historiques et de témoignages de la main de Lamennais, de madame Adèle Victor Hugo, de Victor Hugo, de Louis Blanc, de Kossuth, de Ledru-Rollin, de Saffi, de Herzen, de Berjeau, de Greppo, de Bru, de J. Harney, d'Alphonse Bianchi, d'Alfred Talandier et d'autres amis de Philippe Faure. Publié à Jersey par Auguste Desmoulins. Jersey, C. le Feuvre, imprimeur-libraire, Beresford Street, 1859, page 228*.

В переписке Герцена мы встретили только два упоминания о Форе. 18 ноября 1853 г. Герцен сообщил М. К. Рейхель о том, что Фор послал в парижскую «La Presse» «одну штучку хорошую» (по-видимому статью о книге Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» — «О развитии революционных идей в России») и выражал сомнение в том, напечатают ли ее. М. К. Лемке без всякого основания, и безусловно ошибочно, указал в своем примечании к этому письму, что упоминаемый Фор — это «Паскаль-Жозеф, либеральный адвокат, в революцию 1848 г. поддерживал Кавеньяка и затем Наполеона III» (VII, 394). Между тем, совершенно ясно, что речь шла здесь о революционном эмигранте Филиппе Форе, с которым, насколько можно судить по тону печатаемой записки, Герцен был на короткой ноге.

Второе упоминание о Форе встречается в письме Герцена к Л. Пианциани от 25 мая 1854 г. (см. выше в настоящем томе). Публикуемая ниже записка, по-видимому, связана с выходом в свет второго издания «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», выпущенного в это время в Лондоне Центральным комитетом польского демократического общества. Надо думать, что Герцен послал Фору рукопись или корректуру незадолго до того написанного предисловия ко 2-му изданию этой книги — оно датировано 1 августа 1853 г. (ср. VIII, 325).

Записка печатается по тексту названной выше книги, сообщенному г. L. Bernstein (Франция). Местонахождение автографа неизвестно.

⟨Лондон. 11 сентября 1853 г.⟩

Considérant votre permission,
 Considérant l'urgence,
 Considérant la nécessité,
 Considérant le brouillard,
 je vous envoie la feuille avec la prière de jeter un coup d'œil sur les fautes (quoique ce soit très peu chrétien) avant 10 heures du matin; j'enverrai la chercher.

Tout à vous A. H.

Dimanche, 11 sept⟨embre⟩ 1853.

П е р е в о д:

⟨Лондон. 11 сентября 1853 г.⟩

Принимая во внимание ваше разрешение,

Принимая во внимание срочность,

* «Дневник участника Февральской революции» Филиппа Фора. С отрывком статьи об авторе Пьера Леру и речами, произнесенными на могиле Филиппа Фора, с приложением исторических заметок и собственноручных свидетельств Ламенне, госпожи Адели Виктор Гюго, Виктора Гюго, Луи Блана, Косшута, Ледру-Роллена, Саффи, Герцена, Бержо, Грешпо, Брю, Ж. Гарнея, Альфонса Бианки, Альфреда Таландье и других друзей Филиппа Фора. Издано в Джерси Огюстом Демуленом. Джерси, К. Лефевр, книго-торговец-издатель. Beresford Street, 1859, стр. 228.

Принимая во внимание необходимость,
Принимая во внимание туман,
я посылаю вам до 10 часов утра этот листок с просьбой взглянуть на ошибки (хоть
это и не совсем по-христиански); я за ним пришлю.

Воскресенье, 11 сент^{ября} 1853 г.

Весь ваш А. Г.

IV

ОТТО КОРВИНУ

Литератор Отто-Юлий Бернгард К о р в и н - В е р ж б и ц к и й (1812—1886) — видный участник германской революции 1848—1849 гг., автор мемуаров «Erinnerungen aus meinem Leben» («Воспоминания о моей жизни», 1861). После пятилетнего одиночного заключения в крепости, в 1855 г. он эмигрировал в Лондон, где встречался с Герценом (см. X, 430).

DECEMBER 3, 1853.]

THE LEADER

1159

RUSSIAN PUBLICATIONS IN LONDON.

We have before us the first part of a new Russian publication by M. ALEXANDER NEELIN, bearing the title of "Interrupted Tales." It consists of three stories—*"Days before all," "A Little "cracked,"* and *"By the way."*

The first portion of the novel—"Duty before all"—was, it appears, sent to St. Petersburg in 1848, but the imperial censorship refused its impression: hence its unobtrusive five years' later in the freer atmosphere of London. Let us leave to the writer the relation of his literary and political difficulties and misadventures.

[illegible]

* Guided by the military regulations of Peter the First, and the Bezzemine amirats, this censorship *de jure* took upon itself to forbid the printing of any work of mine on any subject; it would not even permit me to publish an eulogium on the secret police, and on increased abolition, or a private and confidential correspondence on the advantages of mofkon, on corporal punishment, and above all —

[illegible][illegible]

me inquiries, and they defended their subordinates through thick and thin. One of the most complete representatives of that class was Count Melenchuk, high, bald, reckless, gaudy, unscrupulous, arrogant, over head and ears in debt, exhibiting fear and awe again by the Emperor Alexander, and incessantly pointing to his most amiable fellow in the world, the old friend, now retired Governor General of the Far East, without ever having granted a word of any coin-

[illegible]

ВЫРЕЗКА ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE LEADER» ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1853 Г. СО СТАТЬЕЙ
«РУССКИЕ ИЗДАНИЯ В ЛОНДОНЕ», ПОСВЯЩЕННОЙ ВЫХОДУ В СВЕТ «ПРЕРВАННЫХ
РАССКАЗОВ»

Сохранилась в бумагах Герцена

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Публикуемое письмо Герцена, вызванное появлением в печати какой-то статьи Корвина, является единственным, насколько нам известно, сохранившимся письмом его к этому корреспонденту.

Летом 1857 г. прусские власти, под нажимом русского правительства, обеспокоенного растущим распространением герценовских изданий, опубликовали приказ о запрещении продажи «Колокола» на всей территории Пруссии. 23 июля 1857 г. Герцен сообщал по этому поводу М. Мейзенбуг: «В Берлине на почте и во всех магазинах официально наложен арест на „Колокол“; полиция также отдала приказ, чтобы мои книги не выставлялись в окнах» (VIII, 557). Об этих репрессиях прусских властей и сообщает Герцен в своем письме к Корвину.

Печатается по фотоконпии, хранящейся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 427, № 3107, л. 4). Местонахождение автографа неизвестно.

27 October 1857. Putney

Lieber Herr Corvin.

Ich bin recht herzlich dankbar für den Artikel; ich habe <ihn> früher gewußt, dessen ungeachtet, es machte mir eine Freude zu sehen, daß Sie

an mich dachten. Jetzt ist schon ein Befehl v<om> Minister Westfalen in Berlin — gegen unsere arme *Glocke* — die wird jetzt mehr gekauft.

Nachdem ich Sie gesehen habe, haben wir einen russischen Spionen gefunden, accusiert und publiziert. Es ist ein öesterreichischer Pole¹.

Ihr ergebenster A. H e r z e n

Перевод:

27 октября 1857 г. Путней

Дорогой господин Корвин,

Я сердечно благодарен вам за статью, я был (с ней) знаком уже раньше, но независимо от этого мне было приятно узнать, что вы обо мне подумали. В настоящее время уже издан указ берлинского министра Вестфалена, направленный против нашего бедного «Колокола» — теперь он больше раскупается. После нашей встречи с вами мы обнаружили русского шпиона, обвинили его и напечатали об этом. Это австрийский поляк¹.

Преданный вам А. Герцен

¹ Речь идет о разоблачении сотрудника книжной лавки Трюбнера Генрика Михаловского, уличенного в шпионаже в пользу русского правительства. Герцен напечатал об этом специальное предупреждение в л. 4 «Колокола» от 1 октября 1857 г.

V

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Успешные действия народно-освободительных войск под командованием Джузеппе Гарибальди (1807—1882) летом и осенью 1860 г. вызвали большой политический подъем в демократических кругах всех стран. Отовсюду к Гарибальди устремились добровольцы, желавшие внести свой вклад в великое дело освобождения Италии.

Герцен с восхищением следил за успехами своего знаменитого итальянского друга и старался содействовать его успеху, оказывая помощь русским и польским волонтерам, изъявлявшим желание отправиться в Италию, чтобы присоединиться к войскам Гарибальди.

«Твой бывший учитель Домагальский, — писал Герцен 9 августа 1860 г. своему сыну Александру, — едет к Гарибальди, и мы (т. е. я с здешними русскими) хотели его экипировать на наш счет и послать в подарок» (X, 383).

Ниже публикуется письмо Герцена к Гарибальди, в котором он горячо рекомендует ему нового волонтера.

В листе 80 «Колокола» от 1 сентября 1860 г. была напечатана следующая заметка:

«Отчет. Издатели „Колокола“ извещают, что собранные ими от соотечественников двадцать фунтов для отправления польского офицера в войско Гарибальди им получены (расписка хранится в редакции). Желающие жертвовать для подобной цели могут присылать деньги в русскую типографию» (X, 390).

Упомянутая в «Отчете» расписка гласила: «Я получил от редакторов „Колокола“, чтобы достигнуть армии Гарибальди, двадцать фунтов. М. Дом а г а л ь с к и й» (X, 383).

Польский революционный эмигрант, член Польской централизации в Лондоне, инженер по специальности, Михаил Домагальский, отправившийся при содействии Герцена в Италию, принял участие во многих сражениях и сделался влиятельным сподвижником Гарибальди.

Письмо печатается по присланной проф. Ettore Lo Gatto (Италия) копии с автографа, хранящегося в Museo del Risorgimento (Милан).

23 août 1860. Londres

Mon cher général,

Un de nos amis polonais, officier et ingénieur, membre de la centralisation démocratique à Londres — M. Domagalski — part pour se mettre sous vos drapeaux. Nous lui avons fourni le moyen pour atteindre son but — et

Caserta, 9 Ottobre 1860

*Ammiratore del Popolo
Russo, e del Grande
Emancipatore dei Servi.
G. Garibaldi*

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Фотография с дарственной надписью Герцену на итальянском языке. — «Козерга. 9 октября 1860 г.
Почитатель русского народа и великого освободителя рабов — Д. Гарибальди»

Литературный музей, Москва

permettez-moi d'ajouter quelques mots de recommandation — si vous vous souvenez de moi.

J'ai presque peur de m'adresser à vous — vous êtes trop grand, trop illustre, nous vous admirons, nous vous aimons — et je vous jure que ce n'est pas de la rhétorique. C'est avec une sympathie sans bornes et les larmes aux yeux que nous vous suivons — pas à pas — dans votre marche glorieuse.

Recevez mes salutations les plus sincères.

Alexandre Herzen

Перевод:

23 августа 1860 г. Лондон

Дорогой генерал,

Один из наших польских друзей, офицер и инженер, член демократической централизации в Лондоне, г-н Домагальский, едет сражаться под вашими знаменами. Мы помогли ему в осуществлении его желания; разрешите мне рекомендовать его в этих кратких словах — если вы меня еще помните.

Я почти боюсь обращаться к вам — вы слишком высоки, слишком знамениты, мы восхищаемся вами, любим вас — клянусь, что это не риторика. С безграничной симпатией, со слезами на глазах мы следуем за вами — шаг за шагом — по вашему славному пути.

Примите мои самые искренние приветствия.

Александр Герцен .

VI

РЕДАКТОРУ «OPINION NATIONALE»

В открытом письме к русскому послу в Лондоне барону Бруннову, напечатанном в 109-м листе «Колокола» от 15 октября 1861 г. под заглавием «Бруты и Кассии III Отделения» (см. XI, 248—249) и отдельным листком на французском языке, Герцен разоблачил провокационные намерения русской тайной полиции — похитить или убить его.

Это сообщение Герцена вызвало шумный резонанс в европейской прессе; многие периодические издания по собственному почину перепечатали перевод открытого письма Герцена на своих страницах, другие принялись оживленно комментировать его. Реакционные органы пытались представить выступление Герцена как беззащитную саморекламу, попытку возвеличить себя, и с чрезмерным усердием уверяли своих читателей в том, что у русской полиции и в мыслях не было каким бы то ни было образом причинить ущерб издателю «Колокола». Прогрессивные же газеты, перепечатывая письмо Герцена, отнеслись к его заявлению с полной серьезностью.

Влиятельная либеральная газета «Opinion Nationale», издававшаяся в Париже А. Геру, напечатала в номере от 16 октября 1861 г. следующую заметку: «Мы спросим у „Nord“, который так хорошо осведомлен в том, что происходит в Петербурге, не слышал ли он чего-либо об очередном приступе усердия русской полиции? Что касается нас, то вчера мы собственными глазами видели письмо, сообщавшее из вполне заслуживающего доверия источника, что уже назначена цена за голову знаменитого редактора „Колокола“, Герцена. Нам хотелось бы верить, что это является лишь следствием излишнего рвения второстепенных агентов».

Издававшаяся в Брюсселе на счет субсидий русского правительства газета «Nord», перепечатывая на следующий день эту заметку из «Opinion Nationale», писала с нескрываемым раздражением: «Мы понимаем, почему „Opinion“ так неохотно опровергает факты, столь торжественно объявленные, однако мы спросим ее со своей стороны, серьезна ли новость, которую она приняла сегодня на свои страницы? Что же до нас, то мы склонны думать, что источник, из коего новость эта была заимствована, вероятно тот же, который недавно предоставил газете „Constitutionnel“ фантастическую сказку об инженерах, зашитых в мешки и сброшенных в Леманское озеро».

Прочитав эту заметку, Герцен известил 18 октября 1861 г. редактора парижской газеты «Temps» Шарля-Эдмона Хоецкого: «Посылаю вам письмо мое к Бруннову,

переведенное на французский язык, и письмо в „Opinion“ и даже маленькое письмо в „Le Nord“...» («Звенья», II, стр. 374).

Эти строки позволили нам обнаружить на страницах «Opinion Nationale» первое из публикуемых писем Герцена к редактору, помещенное в номере от 22 октября 1861 г., непосредственно перед текстом письма к барону Бруннову.

Один из редакторов «Opinion Nationale» Э. Поше (Pauchet) сопроводил эти письма Герцена следующим небольшим предисловием:

«Мы получили от г. Герцена, выдающегося редактора „Колокола“ и вождя русской демократии, два письма, которые он просит нас напечатать. Мы считаем себя обязанными исполнить это желание. Дело касается очень важного предмета. Герцену были присланы три письма, в которых ему сообщалось решение, по-видимому, принятое санктпетербургской тайной полицией, — похитить или убить его.

Не нам высказывать свое мнение о том, насколько заслуживают доверия эти три письма. Однако мы можем с полной уверенностью сказать, что г. Герцен — человек, честность которого не может быть подвержена ни малейшему сомнению. Он считает, что жизни его угрожает опасность, — и предоставить ему слово в нашей газете — это значит поставить его некоторым образом под защиту всей цивилизованной Европы».

«Nord» решил оставить за собой последнее слово и в № 297 от 24 октября откликнулся на публикацию писем Герцена. «„Opinion Nationale“, — писал он, — воспроизводит два письма г. Герцена, которые рекомендует нам прочесть. В первом из этих писем г. Герцен благодарит „Opinion“ за то, что она поставила вопрос — действительно ли тайная русская полиция замыслила злоешие планы, направленные против его особы. „Nord“, — добавляет г. Герцен, — как будто затрудняется в ответе. Ему неизвестны факты». «Мы действительно, — продолжала редакция «Nord», — не имеем ничего общего с *Третьим Отделением*, и для нас было бы в высшей степени затруднительно отвечать за него. Мы убеждены, что страхи г. Герцена совершенно призрачны, и защита русского правительства от обвинений анонимного пера, которые г. Герцен вряд ли мог сам легко принять всерьез, — явилось бы, конечно, для русского правительства самым безосновательным оскорблением».

Прочитав эту заметку, Герцен отправил редактору «Nord» письмо и лист «Колокола» с письмом к Бруннову.

Редакция «Nord'a» в № 302 от 29 октября 1861 г. заявила, что никогда не получала от Герцена ни писем, ни номеров «Колокола». Желая разоблачить этот неуклюжий маневр, Герцен обратился к редактору «Opinion Nationale» еще с одним письмом, приложив к нему копию своего нового письма в «Nord». 29 октября он писал Ш.-Э. Хоецкому: «„Nord“, т. е. „Север“, опровергает мое письмо, поэтому я адресую редактору „Opinion“ записочку. Вы очень обяжете меня, дорогой Шарль-Эдмон, прочитав это письмо и сделав маленькие исправления в языке» («Звенья», II, стр. 375). Эти строки помогли нам разыскать публикуемое ниже второе письмо Герцена в «Opinion Nationale» вместе с приложенным к нему письмом редактору «Nord'a», появившимся в «Opinion Nationale» от 3 ноября 1861 г. со следующим предувещанием от редакции: «Г-н Герцен, знаменитый русский демократ, редактор „Колокола“, обратился к нам с просьбой напечатать два нижеследующих письма».

Письма печатаются по тексту «Opinion Nationale». Местонахождение автографов неизвестно.

1

〈Лондон. 17 октября 1861 г.〉

Monsieur le rédacteur,

Je vous remercie bien sincèrement d'avoir posé dans votre estimable journal la question de savoir s'il était vrai que la police russe eût médité contre ma personne de sinistres projets. Le Nord paraît être embarrassé dans sa réponse. Il ne connaît pas les faits. Permettez-moi de vous les communiquer.

Mon collègue N. Ogareff et moi, nous avons reçu il y a un mois des lettres anonymes remplies de grossièretés. L'une d'elles contenait même des menaces. Nous en avons fait mention dans notre journal, sans y attacher la moindre importance.

Mais le 9 de ce mois, une personne *très respectée* à Londres, et que je nommerai en cas de besoin, reçut une lettre pour moi. Cette lettre, que *j'ai ouverte dans sa maison*, m'engageait à me tenir sur mes gardes et me révélait un projet tramé par la IIIe section de la chancellerie de S. M. I. à Pétersbourg (c'est sous cette feuille de vigne que se cache la police secrète en Russie), dans le but de m'enlever ou de me tuer *s'il le fallait*.

Plusieurs personnes étaient présentes, et j'ai cru prudent de leur montrer la lettre¹.

Le lendemain un ami² m'apporta une lettre semblable qui m'était adressée par la poste sous son couvert. Voulant alors en finir, je me suis décidé à écrire à M. le baron Brunhoff une lettre dont je vous envoie la traduction française.

Je n'ajouterai qu'un seul fait. Il y a trois jours, un auteur célèbre³ recevait de son côté une lettre anonyme dans laquelle on le conjurait de me faire parvenir le même avis, ce qu'il s'empressa de faire.

Si ces détails et la lettre à M. Brunhoff peuvent intéresser les lecteurs de votre honorable feuille, vous m'obligerez en les insérant.

Recevez, monsieur le rédacteur, mes salutations fraternelles.

Alexandre H e r z e n

Londres, 17 octobre 1861.

A. M. le rédacteur de l'*Opinion Nationale*.

П е р е в о д:

«Лондон. 17 октября 1861 г.»

Господин редактор,

Искренне благодарю вас за то, что вы поставили в своей уважаемой газете вопрос — действительно ли русская полиция замыслила зловещие планы, направленные против моей личности. «Le Nord» как будто затрудняется в ответе. Ему неизвестны факты. Позвольте же мне сообщить их вам.

Мой коллега Н. Огарев и я получили месяц тому назад анонимные письма, полные грубостей. Одно из них содержало даже угрозы. Мы упомянули об этом в своей газете, не придавая всему этому ни малейшего значения.

Однако 9-го числа сего месяца одно *весьма уважаемое* в Лондоне лицо, которое я назову в случае необходимости, получило для меня письмо. Это письмо, которое было *вскрыто мною у него же в доме*, убеждало меня быть настороже и раскрывало мне план, замысленный III Отделением канцелярии его императорского величества в Петербурге (под этим фиговым листком скрывается тайная полиция в России), с целью увести меня или убить, *если потребуется*.

При этом присутствовали многие, и я из предосторожности счел нужным показать им это письмо¹.

На другой день один из моих друзей² принес мне подобное же письмо, которое находилось в конверте на его имя, но было адресовано почтою мне. Желая положить этому конец, я решил тогда написать г. барону Бруннову письмо, французский перевод которого при сем прилагаю.

Добавлю только один факт. Три дня тому назад один знаменитый писатель³ получил, со своей стороны, анонимное письмо, в котором его заклинали передать мне тот же совет, что он и поспешил сделать.

Если эти подробности и письмо к г. Бруннову могут заинтересовать читателей вашей уважаемой газеты, вы меня обяжете, поместив их.

Примите, господин редактор, мой братский привет.

Лондон. 17 октября 1861 г.

Александр Г е р ц е н

Господину редактору «Opinion Nationale».

¹ 15 октября 1861 г. Герцен писал Ш.-Э. Хоепкому: «Я настаиваю на деле о намерениях русской полиции, чтобы их разоблачить. Вы ведь читаете по-русски — вследствие чего я посылаю вам „Колокол“, в котором я поместил письмо к Бруннову. (Оно будет напечатано по-французски, но покамест оно может послужить вам в качестве документа.) Дружеская корреспонденция, известившая меня об этом, дошла до меня через посредство дома одного очень богатого англичанина; я вскрыл письмо в присутствии его и его секретаря» («Звенья», II, стр. 373). *Богатый англичанин* — Ротшильд.

² С. Тхоржевский.

³ *Знаменитый писатель* — И. С. Тургенев, См. «Лит. наследство», т. 63, стр. 669.

2

A monsieur le rédacteur de l'*Opinion Nationale*, à Paris

<Londres.> 29 octobre 1861. Orsett house, Westbourne terrace

Monsieur le rédacteur, la poste belge sert très médiocrement le rédacteur du *Nord*. Il dit, dans son numéro du 29 octobre, qu'il n'a pas reçu ma lettre.

Voulant faciliter ses recherches, je lui ai envoyé une seconde lettre, enregistrée ou *assurée*. Je prends la liberté de vous en envoyer une copie.

L'ambassade russe à Londres a notifié à M. Ogareff (qui demeure à Londres depuis 1856) que l'empereur a confirmé la sentence du Sénat qui le déclare déchu de tous ses droits et des titres de la noblesse, — tout cela sans *procès*. Il y a là un progrès: au lieu de tuer physiquement, on se décide à tuer bureaucratiquement.

Si cette nouvelle peut intéresser vos lecteurs, nous vous prions de la communiquer.

Recevez, monsieur le rédacteur, l'assurance de ma haute considération.

Herzen

* * *

A monsieur le rédacteur du *Nord*

Londres, 29 octobre <1861>

Monsieur le rédacteur, j'ai l'honneur de vous avertir que je vous ai envoyé par la poste, il y a environ huit jours, et *une lettre et le dernier numéro de la Cloche*.

Je n'ai pas inscrit la date, mais je sais que c'était le jour même où j'ai expédié la lettre à l'*Opinion Nationale*.

Cette fois je fais *assurer* la lettre, et je vous prie de recevoir mes salutations empressées.

A. Herzen

Rédacteur du *Kolokol*

Перевод:

Господину редактору «Opinion Nationale» в Париж

<Лондон.> 29 октября 1861 г. Orsett house, Westbourne terrace

Господин редактор, бельгийская почта обслуживает весьма посредственным образом редактора «Nord'a». Он утверждает, в номере своей газеты от 29 октября, что не получил моего письма.

Желая облегчить ему поиски, я отправил ему второе письмо, зарегистрированное или *застрахованное*. беру на себя смелость переслать вам копию.

Русское посольство в Лондоне уведомило г. Огарева (проживающего в Лондоне с 1856 года), что император утвердил приговор Сената, объявляющего его лишенным всех прав и дворянского звания, — и всё это без *судебного разбирательства*. В этом явный прогресс: вместо того, чтоб убивать физически, решаются убивать бюрократически.

Если эта новость может заинтересовать ваших читателей, просим вас сообщить ее. Примите, господин редактор, уверение в моем глубоком почтении.

Герцен

* * *

Господину редактору «Nord'a»

Лондон, 29 октября <1861 г.>

Господин редактор, имею честь предупредить вас, что я отправил вам почтой, около недели тому назад, и письмо, и последний номер «Колокола».

Я не записал даты, но знаю, что это было в тот же день, когда я постал письмо в «Opinion Nationale».

На этот раз я *страхую* письмо, и прошу вас принять уверения в моем глубоком почтении.

А. Герцен

Редактор «Колокола»

VII

ДЖУЗЕППЕ ГВЕРЦОНИ

Обстоятельства, при которых было написано публикуемое письмо Герцена, адресованное секретарю Гарибальди — Джузеппе Гверцони (Guerzoni, 1835—1886), итальянскому литератору, участнику гарибальдийских походов, автору двухтомной биографии Гарибальди (Флоренция, 1882), — подробно освещены в статье Герцена «*Camicia rossa*».

10 апреля 1864 г. Гарибальди приехал с официальным визитом в Лондон. Прибытие Гарибальди явилось поводом для крупнейшей демонстрации лондонского пролетариата и шумных манифестаций со стороны широких кругов населения.

Реакционное правительство Пальмерстона предприняло ряд неуклюжих мер, чтобы изолировать Гарибальди от английского народа. Этой цели должно было содействовать и размещение Гарибальди и сопровождавших его лиц во дворце герцога («дюка») сутерлендского. «Интрига, затеянная *до въезда* его в Лондон, — писал Герцен в «*Camicia rossa*», — расцвела удобно на дворцовом грунте. Цель ее состояла в том, чтобы удалить Гарибальди от народа, т. е. от работников, и отрезать его от тех из друзей и знакомых, которые остались верными прежнему знамени, разумеется, — пуще всего от Мадзини <...> В первый раз как я был у Гарибальди в Стаффорд Гоузе, придворная интрига около него бросилась мне в глаза. Разные Фигаро и фактотумы, служители и наблюдатели сновали беспрерывно. Какой-то итальянец сделался полициейстером, церемониймейстером, экзекутором, дворецким, бутафором, суфлером. Да и как не сделаться за честь заседать с дюками и лордами, вместе с ними предпринимать меры для предупреждения и пресечения всех сближений между народом и Гарибальди и вместе с дюкесами плести паутину, которая должна поймать итальянского вожда и которую хромой генерал рвал ежедневно, не замечая ее» (XIV, 526—527).

Гарибальди очень хотелось встретиться с жившим тогда в Лондоне крупнейшим деятелем итальянской революции — Мадзини, однако последний отказывался посещать его, пока Гарибальди находится в герцогском дворце. Желая оказать содействие встрече обоих руководителей итальянского народно-освободительного движения, которая должна была явиться торжественной демонстрацией единства их программы и цели, Герцен решил пригласить их обоих к себе, в свой теддингтонский дом. «Подумав об этом, — вспоминал Герцен, — я написал к Мадзини записку и спросил его, примет ли Гарибальди приглашение в такую даль, как Теддингтон; если нет, то я его не буду звать, тем дело и кончится; если же поедет, то я очень желал бы их обоих пригласить. Мадзини написал мне на другой день, что Гарибальди очень рад и что если ему ничего не помешает, то они приедут в воскресенье, в час» (XIV, 528). 16 апреля Герцен сообщил об этом секретарю Гарибальди в публикуемом ниже письме и сам доставил это письмо в гостиницу, где жил Гверцони, опасаясь, что оно может быть перехвачено подозрительными личностями, которые окружали в это время Гарибальди и старались воспрепятствовать его посещению Герцена и встрече с Мадзини.

17 апреля 1864 г. состоялось известное свидание Гарибальди и Мадзини в теддингтонском доме Герцена. «День этот удался необыкновенно, — писал впоследствии Герцен, — и был одним из самых светлых, безоблачных и прекрасных дней последних пятнадцати лет» (XIV, 532). Как известно, свидание Мадзини и Гарибальди не внесло

значительных изменений в проводимую ими политику. Маццини по-прежнему оставался убежденным сторонником насильственного переворота, а Гарибальди продолжал поддерживать короля Виктора-Эммануила.

Письмо печатается по присланной проф. Ettore Lo Gatto (Италия) фотоконии с автографа, хранящегося в Museo centrale del Risorgimento (Рим).

⟨Лондон. 16 апреля 1864 г.⟩

Cher monsieur,

Mazzini m'a communiqué que le général Garibaldi veut nous faire le cadeau d'une visite — demain matin. Nous en sommes enchantés — je veux lui parler et vous voir. Craignant le trop de zèle des *camerieri ducali*, je vous écris — et je porte moi-même la lettre.

Recevez mes salutations les plus sympathiques.

Alex. Herzen

16 avril 1864.

Перевод:

⟨Лондон. 16 апреля 1864 г.⟩

Милостивый государь,

Маццини дал мне знать, что генерал Гарибальди хочет порадовать нас своим посещением — завтра утром. Мы очень рады — я хочу побеседовать с ним и повидать вас. Опасаясь чрезмерного усердия *camerieri ducali* *, пишу вам и сам отнесу письмо.

Примите мои самые сердечные приветствия.

Алекс. Герцен

16 апреля 1864 г.

VIII

АГОСТИНО БЕРТАНИ

Агостино *Бертани* (1812—1886)— видный деятель итальянского национально-освободительного движения, левый республиканец, талантливый врач-хирург. После разгрома римской республики он поселился в Генуе, где продолжал заниматься политической деятельностью и врачебной практикой. Вместе с другими итальянскими революционерами — Козенцем, Пизакане, Медичи, Меццокаппо и Бальдони, имена которых Герцен относил к числу дорогих ему имен (изд. АН, т. X, стр. 288),— Бертани подписал в Генуе 23 марта 1852 г. декларацию, в которой полностью одобрял отказ Герцена драться на дуэли с Гервегом (изд. АН, т. X, стр. 494).

Незадолго до переселения в Англию, летом 1852 г., Герцен встретился в Генуе с Бертани и другими его единомышленниками, поручившими ему передать Маццини, что они глубоко недовольны характером, который он в последнее время стремился придать революционному движению Италии. Герцен выполнил это поручение своих генуэзских друзей.

Когда в 1859 г. началась война за освобождение Италии, Бертани стал одним из ближайших сотрудников Гарибальди и в значительной мере содействовал успеху возглавленного им движения.

Записка печатается по присланной проф. Ettore Lo Gatto (Италия) фотоконии с автографа, хранящегося в архиве Istituto per la storia del Risorgimento italiano (Рим).

⟨Флоренция. 28 февраля 1867 г.⟩

Cher monsieur Bertani,

Je viens ce matin à Florence et j'ai quitté Venise hier soir. J'ai vu Garibaldi, et madame Mario m'a chargé de la lettre ci-jointe et sans adresse¹, enfin je vous ai trouvé.

Est-ce que vous vous rappelez encore de moi et de notre rencontre à Gênes en 1852?

Votre tout dévoué

28 febbraio 67.

Al. Herzen

* герцогских слуг (итал.).

Перевод:

«Флоренция. 28 февраля 1867 г.»

Дорогой господин Бертали,

Нынче утром я прибыл во Флоренцию, выехав из Венеции вчера вечером. Я видел Гарибальди, и мадам Марио вручила мне прилагаемое письмо без адреса¹; наконец-то я вас разыскал.

Помните ли вы еще меня и нашу встречу в Генуе в 1852 году?

28 febbraio 67. Преданный вам
Ал. Герцен

¹ «М-ме Марио с Гариб(альди) поила меня сегодня кофеом, — писал Герцен Огареву 27 февраля 1867 г. из Венеции, — и, хотевши вынуть из сака письмо, вынула старую туфлю» (XIX, 227).

IX

ЭДУАРДУ ДАНТЮ

В 1860—1862 гг. владелец крупной парижской издательской фирмы Эдуард-Анри-Жюстен Дантю (1830—1884) выпустил в свет трехтомное издание «Былого и дум» на французском языке. Перевод этих трех томов (по мнению Герцена, очень хороший) был сделан французским литератором Делаво несколькими годами ранее; несмотря на хлопоты самого переводчика и ряда видных французских деятелей, среди которых был и известный историк, друг Герцена, Ж. Мишле, издателя найти долго не удавалось: никто не соглашался выпустить в свет книгу изгнанного из Франции русского революционера, открытого противника французского императора.

Э. Дантю, вступивший в 1855 г. во владение большим издательством, которое специализировалось на публикации политических сочинений, временами открыто оппозиционного характера, рискнул издать в свет «Былое и думы», причем еще более подчеркнул революционный характер книги сенсационным названием, которое Герцен находил «скверным»: «Русский мир и революция». Расчеты издателя на успех книги вполне оправдались: о ней появились восторженные отзывы во французской и иностранной печати, и она полностью разошлась. Через несколько лет Герцен обратился к Дантю с предложением напечатать еще одно, дополненное издание книги «с платой чего-нибудь вдове Delaveau» (XIX, 93), однако Дантю не выразил на это согласия.

Публикуемое ниже письмо Герцена от 30 сентября 1869 г. было последним обращением его к тому же парижскому издателю. Печатание отдельных глав из «Былого и дум» во французском «Колоколе» и в его приложении (в переводе самого Герцена и его сына) произвело фурор среди французских читателей как старшего поколения (в том числе и среди таких людей, как Гюго, Мишле, Кине, Леру), так и среди молодежи. Обрадованный этим успехом и поощряемый советами своих русских и западных друзей, Герцен начинает энергично искать издателя для полного французского перевода «Былого и дум» и других сочинений. Несмотря на самые выгодные условия (Герцен не требовал даже гонорара), издатели наотрез отказывались от публикации произведения прославленного, но «крамольного» писателя. Между тем, огромный успех первого французского издания книги и английских и немецких переводов несомненно свидетельствовал о выгоде этого предприятия. Отрицательно ответил на публикуемое предложение Герцена и Дантю, написавший 6 октября 1869 г. на герценовском письме свое решение: «Refus poli» («Вежливый отказ»).

«Дантю важен, глуп и скучен», — писал Герцен Г. Вырубову 29 марта 1869 г. (XXI, 348). Однако не одним этим, конечно, объяснялось решительное отклонение переиздания «Былого и дум»: с 1867 г. Дантю стал получать правительственные заказы, в частности ему была передана монополия на публикацию каталогов Всемирной выставки, — и это, по-видимому, оказало решительное влияние на ориентацию прежнего издателя оппозиционной литературы.

Герцен сделал еще несколько безуспешных попыток напечатать перевод своей книги как отдельным изданием, так и во французской периодике (в «Revue des Deux Mondes», «Siècle» и др.), но всюду наталкивался на более или менее вежливый отказ.

Письмо печатается по фотокопии ЦГАЛИ. Местонахождение оригинала неизвестно.

〈Париж. 30 сентября 1869 г.〉

Monsieur,

Je reviens encore une fois vous faire une proposition faite par moi — il y a quelques années.

Les 3 volumes de mes mémoires que vous avez publiés sous le titre de *Monde Russe et la Révolution* — trad〈uits〉 du russe par H. Delaveau sont épuisés.

Cher Monsieur Bertani

*Je viens ce matin à Florence
et j'ai quitté Venise hier soir.
J'ai vu Garibaldi et Madame
Mama m'a chargé de la lettre
ci-jointe et sans adieu enfin
je vous ai trouvé.*

*Encore que vous vous rappeler
encore de moi et de notre
rencontre à Gênes en 1852
Votre tout dévoué*

28. février 67. Al. Herzen

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К АГОСТИНО БЕРТАНИ ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1867 г.

Институт истории итальянского Risorgimento, Рим

Voulez-vous faire une nouvelle édition — corrigée et augmentée de deux volumes? Cela me serait particulièrement agréable de paraître encore une fois chez vous.

Une réponse m'obligerait beaucoup.

Recevez, monsieur, mes salutations empressées.

Al. Herzen
réda〈ct〉eur du *Kolokol*

30 sept〈embre〉 1869

Hôtel du Louvre № 328

P. S. J'ai oublié de dire que j'ai la traduction d'un roman¹ et de quelques nouvelles de moi — que je vous offre aussi.

П е р е в о д:

⟨Париж. 30 сентября 1869 г.⟩

Милостивый государь,

Еще раз обращаюсь к вам с предложением, сделанным вам мною несколько лет тому назад.

Три тома моих записок, опубликованных вами под названием «Русский мир и революция» и переведенных с русского А. Делаво, полностью разошлись.

Не хотите ли вы выпустить новое издание, исправленное и дополненное *двумя томами*? Мне было бы особенно приятно снова появиться у вас.

Вы меня очень обязали бы ответом.

Примите, милостивый государь, мои наилучшие пожелания.

Ал. Герцен

Редакт⟨ор⟩ «Колокола»

30 сент⟨ября⟩ 1869 г.
Hôtel du Louvre, № 328

P. S. Я забыл сказать, что в моем распоряжении имеется перевод одного романа¹ и нескольких рассказов, которые я также предлагаю вам.

¹ По-видимому, «Кто виноват?». Кем выполнен был этот перевод на французский язык — неизвестно. Возможно, что Н. А. Тучковой-Огаревой или Н. А. Герцен-дочерью.